

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-380-385

**ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И. А. ГОНЧАРОВА
В СОВРЕМЕННЫХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
(ПО ПОВОДУ ОДНОЙ НАУЧНОЙ МОНОГРАФИИ)**

© Ринат Бекметов

**IVAN GONCHAROV'S CREATIVE LEGACY IN MODERN LITERARY
STUDIES (ON A SCIENTIFIC MONOGRAPH)**

Rinat Bekmetov

These days, Russian Goncharov studies (the scientific works devoted to Ivan Goncharov) are characterized by two aspects of their development. On the one hand, the traditional approach, focused on studying the ideological outline of the writer's works, retains its strength and significance. On the other hand, there is a noticeable desire to identify new vectors of classical heritage research by either searching for a new methodological program or systematizing the fully mastered material at a qualitatively new level of understanding. It is this second way of understanding the artistic world of Ivan Goncharov that was adopted in the recent (2024) scientific monograph "The Poetics of Non-novel Prose by I. A. Goncharov", written by Gulzada Bagautdinova, a lecturer at Mari State University (Yoshkar-Ola), and published in the printing house of the named educational institution (its volume is 296 pages). This article is a detailed review of the book. The review notes the undeniably positive aspects of the research interpretation of Ivan Goncharov's "non-novel prose" (its "ornamentation", a special rhythmic pattern that manifests itself both at the level of purely linguistic means of expressing thought and at the level of the general organization of the meaningful and semantic parts of an "unromantic" genre work, the cumulative "effect" with its folklore basis, etc.). The article emphasizes the importance of the specifically empirical approach, which is the texts of medium and small epic form, created by the author of "Oblomov" in the period from the 1830s to the 1890s. The monograph takes into account a significant layer of works on Ivan Goncharov (those past and present), its concept is logically presented in a coherent manner, interesting and quite convincing interpretations of Goncharov's works are given based on "immanent" poetics, quantitative-statistical tables and fundamental conceptual-terminological tools are placed in appendices. The review discusses polemical aspects of conceptual constructions, which are inevitable in any major monograph. G. Bagautdinova's book about Ivan Goncharov is undoubtedly a milestone in the development of Russian Goncharov studies.

Keywords: Ivan Goncharov, Russian classics, poetics of the writer, literary works, G. Bagautdinova, scientific monograph, review

Отечественное гончароведение (наука о творчестве И. А. Гончарова) характеризуется в наши дни двумя основными гранями развития. С одной стороны, сохраняет свою силу и значимость традиционный подход, ориентированный на изучение идейного плана сочинений писателя. С другой – заметно желание обозначить новые векторы исследования классического наследия путем либо поиска новой методологической программы, либо систематизации освоенного материала на качественно новом уровне его осмысления. Именно этот второй способ понимания художественного мира И. А. Гончарова был взят на вооружение в недавней (2024 года) научной монографии «Поэтика нероманной прозы И. А. Гончарова», написанной Гульзадой Гадульяновной Багаутдиновой, сотрудником Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола), и изданной в типографии названного учебного заведения (объем – 296 стр.). Статья представляет собой развернутую рецензию на данную книгу. Отмечаются бесспорно положительные моменты исследовательской интерпретации «нероманной прозы» И. А. Гончарова (ее «орнаментальность», особый ритмический рисунок, который проявляется как на уровне чисто языковых средств выражения мысли, так и на уровне общей организации содержательно-смысловых частей того или иного произведения «нероманного» жанра, кумулятивный «эффект», имеющий фольклорную основу). Подчеркивается важность привлеченного конкретно-эмпирического материала: тексты средней и малой эпической формы, созданные автором «Обломова» в период с 1830-х до 1890-х годов. Указы-

вается на то, что в монографии учтен значительный пласт трудов по И. А. Гончарову (прошлых и новейших), логически цельно изложена концепция, даны в целом небезынтересные и вполне убедительные трактовки гончаровских сочинений с опорой на «имманентную» поэтику, помещены в приложениях не лишённые интереса количественно-статистическая таблица и фундаментальный понятийно-терминологический словарь. Затронуты также полемические аспекты концептуальных построений, неизбежные в любой крупной монографии. Книга Г. Г. Багаутдиновой о И. А. Гончарове, бесспорно, является определенной вехой в развитии российского гончароведения.

Keywords: И. А. Гончаров, русская классика, поэтика писателя, литературоведческие труды, Г. Г. Багаутдинова, научная монография, рецензия

Для цитирования: Бекметов Р. Творческое наследие И. А. Гончарова в современных литературоведческих исследованиях (по поводу одной научной монографии) // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 380–385. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-380-385

Художественная система И. А. Гончарова, как всякого писателя прошлого, чье имя входит в золотой фонд национальной и мировой литературы, изучена весьма основательно. Отсюда – по логике вещей открытие в ней, этой системе, чего-либо принципиально нового сопрягается с целым рядом сложностей объективного рода (см.: [1]). Тем не менее трудности эти не служат причиной полной невозможности отыскания в классическом наследии каких-то лакун. Обнаружение нового в классике, как правило, происходит двумя путями: либо смещением исследовательской стратегии, уходом от привычных, давно и прочно устоявшихся линий в интерпретации (а это, в свою очередь, предполагает выработку новой методологической модели, или программы, изучения литературных произведений), либо систематизацией освоенного материала на более высоком уровне обобщения с аргументирующим набором дополнительных текстовых фактов.

Именно этим (то есть вторым) путем пошел автор¹ недавно изданной в Марийском государственном университете монографии о Гончарове, взяв на рассмотрение проблемы поэтики малых и средних эпических форм в его творчестве [2].

Как справедливо пишет Г. Г. Багаутдинова в вводной части своей книги, романная часть гончаровских сочинений, образцы крупной эпической формы изучены несравненно лучше повестей, рассказов и очерков писателя, однако без них нельзя по-настоящему понять и адекватно описать закономерности эволюции Гончарова в

целостном измерении. К раннему периоду творчества Гончарова (отмеченному, как известно, гоголевским влиянием в рамках «натуральной школы») исследователи обращались. Вместе с тем в контексте всего наследия писателя, относимые не только к раннему периоду становления авторского стиля, средние и малые формы охвату до сих пор не подвергались. Нельзя, конечно, не согласиться с тем, что исследование поэтики «некрупных» форм Гончарова до сих пор носило спорадический, этюдный, бессистемный характер, в целом и планомерном смысле они еще не осмыслились. Этот научный пробел и стремится заполнить автор монографического труда.

Книга состоит из пяти глав, включающих параграфы, а также двух приложений (словарь фундаментальных терминов, используемых в монографии, и статистическая таблица о частоте употребления «орнаментальных» приемов). Библиографический список (в виде постраничных сносок) насчитывает свыше 200 наименований (источники, научно-критическая и справочная литература); обстоятельно в историческом разрезе разобраны труды по гончароведению (статьи, заметки, тезисы, предисловия к избранным произведениям, диссертации и т. д.).

Первая глава посвящена анализу «рамочного текста».

Автор производит здесь разбор заглавий сочинений Гончарова, эпиграфы к ним, определяет структуру, семантику, типологию, функциональное наполнение «рамочных», «внесюжетных» элементов. Верно подчеркивается мысль, в соответствии с которой Гончаров крайне внимательно относился к выбору заглавий своих сочинений, они были далеко не случайны, учитывающими как содержательную сторону произведения, его концепцию в авторской трактовке, так и формальную, связанную с фонетическим составом подбираемых слов и их сочетаний. Уточним одно: идею о том, что книга представляет собой развернутое заглавие, а заглавие – стянутую в

¹ Багаутдинова Гульзада Гадуляновна – доктор филологических наук, сотрудник Марийского государственного университета, Межрегионального открытого социального института (г. Йошкар-Ола), исследователь творчества Гончарова, автор многочисленных публикаций о нем, в том числе монографии «Искусство и художник в романах И. А. Гончарова» (Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета, 2018. 176 с.), специалист в области истории русской литературы второй половины XIX в.

одно-два слова книгу, высказывал не только С. Д. Кржижановский в брошюре «Поэтика заглавий», изданной в 1931 г. [2, с. 22], но – едва ли не раньше – Л. С. Выготский в «Психологии искусства» («название дается рассказу, конечно, не зря, оно несет в себе раскрытие самой важной темы, оно намечает ту доминанту, которая определяет собой все построение рассказа» [3, с. 192]); затем эту идею подхватили и развили структуралисты школы Ю. М. Лотмана. Этот факт надо учесть для полноты теоретической картины, а также ради филологической справедливости, хотя нет сомнений в том, что для Кржижановского проблема заглавия стала объектом специального внимания, а Выготский о свернутости/развернутости знака говорил попутно, подтверждая концептуальную установку анализом конкретных жанровых форм (в частности, новеллы на материале «Легкого дыхания»).

Выделяются в главе заглавия-антропонимы, заглавия-топонимы, заглавия-жанры, заглавия-цитаты – все с опорой как на отдельные произведения писателя, так и на общий контекст русской литературы XIX в. Удачным кажется анализ заглавия повести «Счастливая ошибка»: не отрицая ее определения в качестве «светской повести», автор считает нужным выделить ее генетическую связь с новеллой, в которой сюжет развивается динамично, с неожиданным, «взрывным» финалом (о присутствии новеллистического компонента свидетельствует заглавие повести). Интерес вызывает разбор заглавия повести «Превратность судьбы»: автор дает обзор исследовательских обращений к тексту, демонстрирует лингвистические особенности заглавия. Что касается заглавия повести «Лихая болезнь», то, вероятно, следовало бы уточнить его отнесение к категории цитатного заглавия: не совсем ясно, в чем, собственно, выражается цитатность².

² Соглашаясь с тем, что «лихую болезнь» необходимо трактовать не только в значении «падучей болезни», то есть эпилептического припадка, но и в значении «болезни от нечистого» (сифилиса), мы можем заметить, что само это словосочетание явно тяготеет к фразеологичности (автор пишет о народно-творческом генезисе словосочетания, через явления пословиц, поговорок, крылатых выражений, но они как раз и есть образчики стихийной фразеологии, живого разговорного языка); отсюда – если и вести речь о цитатности «Лихой болезни», то скорее как «внутренней», исходящей из творчества самого Гончарова: «лихая болезнь» – продолжение неодобрительной характеристики авантюрного любвеобильного героя, которая дается его слугой в очерке «Иван Савич Поджабрин»; а если это так, то тогда, возможно, уместно было бы ввести классификацию цитат по признаку источника, которым пользовался писатель: он «внеш-

Помимо заглавий, разбору в этой главе подвергается эпиграфический слой. Автор указывает на то, что многие эпиграфы несли иронический подтекст, находясь в разительном контрасте с основополагающей идеей тех сочинений, откуда они были заимствованы: так, в «Лихой болезни» эпиграф, взятый из немецкого медицинского трактата о московской холере, был переосмыслен через уподобление людей домашним птицам. Стоило бы, однако, уточнить, что этот прием не является изобретением Гончарова, им пользовались писатели «натуральной школы», подражая Н. В. Гоголю; в определенной мере он даже стал «фирменным» знаком объединения писателей в 1840-е гг. У Гоголя в «Мертвых душах» Чичиков, попав случайно ночью в усадьбу Коробочки, «кривляется» утром в окно, которое выходило на курятник, перед «индейским петухом». Чичиков, как мы помним:

«надел рубаху..., подошел к зеркалу и чихнул так громко, что подошедший в это время к окну индейский петух, окно же было очень близко от земли, заболтал ему что-то вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно, „желаю здравствовать“, на что Чичиков сказал ему дурака» [4, с. 46].

В гоголеведческих трудах этот несомненно комичный эпизод истолковывался как уподобление человека животному, их расположенность на одном уровне восприятия и развития. Потом этот прием (творческая находка) обильно использовался в «физиологических очерках» (например, у В. И. Даля): в них стало обычным сравнивать человека с животным, более того – распознавать в портретах людей исходное звериное начало, чему в немалой степени благоприятствовало то обстоятельство, что в середине XIX в. в России естественные науки обрели статус престижных³. В этом плане Гончаров шел по следу традиции гоголевского типа письма, и, по-видимому, это стоило бы обозначить на конкретном, вещественно-осязаемом микропримере. Целесообразно считать влияние Гоголя на Гончарова отнюдь не периферийным: так, мы обнаруживаем его в на-

ний» или «внутренний» по отношению к его творчеству. Ведь в случае с очерком «Уха», который анализируется автором вслед за «Лихой болезнью», цитатная отсылка к «Демьяновой ухе» И. А. Крылова более чем очевидна, как очевидна и фразеологическая основа отсылки, возникшей на почве популярной басни.

³ Неслучайно теория Ч. Дарвина о происхождении человека от обезьяньего предка, «борьбе за существование» и «естественном отборе» нашла благодатную почву к середине данного столетия (она и была порождена эпохой позитивизма, «питалась» ее духом, атмосферой).

чальных главах «Обломова», на что обращали внимание первые критики романа, полагая, как М. Е. Салтыков-Щедрин, их «скучными» по затянутости сюжета и перекличкой с теми типическими образами, которые бытовали в русской литературе в прежний период ее развития.

Нельзя не согласиться с мнением автора, что своеобразие стратегии Гончарова заключается в открытости (через цитацию) творчеству разных художников слова. В то же время, как думается, необходим несколько более проясненный комментарий к утверждению о том, что ирония Гончарова над сентиментальными и романтическими повестями носит ограниченный характер⁴. Этот тезис нам понятен на примерах романа «Обыкновенная история», в котором авторская позиция дается как бы над схваткой между дядей и племянником (ирония как прием отрицания у Гончарова не всеобщая), и «Обломов», в котором идеал «правильного» характера изображается в сцеплении «мечты» и «воли», русско-немецкого синтеза, когда щедрость отвлеченного добра гармонично окупается конкретными делами. Как это выражается в произведениях другой формы, требует разъяснений.

Любопытным является разбор эпиграфа из Пушкина к «Пепиньерке» (с опорой на звуко-семантическом составе слов). Таким же – анализ эпиграфа из Крылова в «Литературном вечере»⁵.

Вторая глава освещает вопросы принципов структурной организации текстов Гончарова.

Автор констатирует плохую изученность форм присутствия фольклорного элемента в произведениях писателя. Особое внимание уделяется очерку «Уха», впервые опубликованному Б. М. Энгельгардтом в 1923 г. Прослеживается история рецепции этого текста в среде литературных критиков и литературоведов, дается анализ его архи-

тектоники. Автор отмечает принцип «кольцевого повтора» в композиции этого очерка, указывает на повторы синтаксических оборотов, многократно фиксирующие схожие действия (реакции) героев (троекратные повторы, как в сказке). Все это подводит автора к мысли о приемах стилизации, которые употребляет Гончаров, подражая жанрам устного народного творчества. Быть может, следовало бы говорить и о «памяти жанра». Эту литературоведческую категорию в свое время интенсивно разрабатывал М. М. Бахтин [5] (см.: [6]). Неслучайно автор, характеризуя структуру очерка Гончарова, прибегает к понятию «смеховая стихия» [2, с. 96] (пожалуй, лучше сказать – «смеховой мир», «карнавальная мир»). Через формы народного по происхождению, но литературно обработанного смеха протягивается нить к концепции «памяти жанра».

Небезынтересен разбор очерка «Май месяц в Петербурге». Автор предлагает определять его структуру как «цепевидную». Через повторы лексических и синтаксических единиц, а также словесных описаний, убеждает автор, Гончаров создает рисунок «ритмической прозы» с приемами «нанизывания» изображений и «кольца». Убедителен с текстовой точки зрения и анализ очерка «Превратность судьбы». Автор объясняет, что принцип кумулятивности проявляется в повторах действий главного героя (повторы глагольных форм), в речевых повторах (повторы лексем и фраз)⁶. В этом смысле автор работы сосредоточивается на кумулятивности диалогов персонажей Гончарова, затрагивая не только рассказы и очерки, но и крупную эпическую единицу – «Фрегат „Палладу“». Со многим в этой главе можно согласиться. Действительно, в мире Гончарова «повторяемость фраз говорит о скудости речевого запаса персонажей и субординации, которую они обязаны соблюдать» [2, с. 111–112]. В самом деле, «неизменность хронотопа приводит к мысли... о вечных законах жизни, ... однообразии бытовой жизни» [2, с. 112]⁷.

⁴ О «вечном пародировании» сентиментализма и романтизма утверждали по преимуществу советские литературоведы с их порой тенденциозным видением Гончарова на почве резкого деления историко-литературных эпох, и взгляд такой устарел.

⁵ Правда, было бы нелишне раскрыть глубину присутствия творчества Крылова в гончаровском сознании. Автор лаконично обозначает эту проблему, поставленную когда-то А. Г. Цейтлиным, ссылаясь на один абзац из статьи Гончарова «Миллион терзаний» о крыловских баснях. Тем не менее было бы, пожалуй, правильно в общем виде эту тему «расписать», дабы стал понятнее и биографический, и литературно-творческий, и языковой фон обращения писателя к басням: ограничиваться внутритекстовым изучением связи эпиграфа с произведением недостаточно (эпиграфы из Пушкина и Гоголя не в счет, поскольку «пушкинско-гоголевский» фон в гончароведении исследован неплохо как лежащий на поверхности).

⁶ Нельзя упускать из виду, что такого рода описательность в качестве самобытного варианта так или иначе восходит к многословному стилю гоголевского письма, столь разительно отличающегося от пушкинского лаконизма (и это еще раз доказывает наличие сложно организованной внутренней художественно детерминированной генетической связи Гоголя и Гончарова).

⁷ Подчеркнем еще раз, что «вечность законов жизни» и ее обыденная монотонность возводима к гоголевской философии «тины мелочей», обволакивающих человека в повседневности. Подтексты «натуральной школы» присутствуют здесь с очевидностью. Гончаров их развивал, и, похоже, по этой причине критики не увидели в его произведениях малой и средней

Третья глава познавательна. В ней затрагивается комплекс вопросов об «орнаментальности» гончаровской прозы. Приходится признать, что до настоящего времени из исследователей об этом фактически никто не писал; сама постановка проблемы, само открытие темы применительно Гончарову принадлежит автору монографии.

В начале главы автор прослеживает историю «орнаментальной прозы» от древнерусской словесности до серебряного века, дает обзор точек зрения на этот феномен художественного стиля. Конструктивным принципом «орнаментальности» автор признает наличие лейтмотивов и тематических повторов. На примерах он показывает, как Гончаров «отяжеляет» форму своих произведений путем вариативного проигрывания одних и тех же мотивов, слов, речевых оборотов, как бы «расшивая», «выплетая» тексты, отражая через них идею «затрудненной формы». С точки зрения автора, Гончаров использует приемы игровой комбинаторики, в их числе каламбуры, семантические сдвиги слов, иронично переосмысленные фразеологизмы, мотивные вариации. Доказательности мысли о наличии приемов «орнаментальности» служат параграфы, в которых рассматриваются стилистические средства воссоздания художественного мира: анафоры, эпифоры, просаподисис, стыки. Уделяет автор внимание фонетическим особенностям гончаровского «орнамента», приемам художественного синтаксиса типа хиазма, «макаронической речи». Для надежности и корреляции выводов приемы «орнаментальности» обнаруживаются автором в романах писателя. Совокупность этих средств создает специфическую текстовую симметрию («геометрический орнамент») – доминанту гончаровского письма. Этот вывод, добавим мы, соотносится с качествами самого Гончарова, если считать, что стиль – это и есть человек в разности образии его культурных проявлений⁸.

Четвертая глава – уточнение третьей.

формы черт оригинального стиля. Этот эстетический стиль заявит о себе, раскроет себя лишь в романном жанре, но и там он будет нести следы прежней поэтики. Отсюда – склонность литературоведов видеть в малой и средней форме гончаровского творчества лабораторию, экспериментальную площадку будущих достижений, так что вопрос об эволюции Гончарова писателя не нуждается в решительном пересмотре.

⁸ Модель мира, по Гончарову, предполагает умеренность чувств, спокойную деловитость, комфорт жизненных условий – все то, что называется «хорошим покоем», «прогрессом» в отличие от «сна», своего рода «симметрии», тягой к классическому, устоявшемуся, цивилизованному, но не лишенному динамики, движения в осмысленно-правильном направлении.

В ней затронуты проблемы, связанные с ритмической организацией малой прозы писателя. Основующие вопросы главы можно свести к тому, какие ритмические единицы использовал Гончаров в процессе создания текстов и каковы закономерности их «орнаментирования». Как и в предыдущей главе, автор приводит историю обращений к понятию ритма. Тут много наблюдений над художественной фонологией гончаровских сочинений, синтаксическими конструкциями, сложными целыми⁹, ритмами хронотопов, переключками портретов, ландшафтных описаний, реминисценций, аллюзий, которые, как паутина, «обволакивают» тексты Гончарова – тонко разобранных примеров, повторимся, много; они аккуратно сгруппированы по темам и тщательно систематизированы.

Пятая глава содержит размышления над приемами повтора в романном творчестве Гончарова. Отдельного внимания заслуживают подходы автора в изучении ритма прозы Гончарова при изображении им этнических портретов и характеров («Русские в Японии в конце 1853 и начале 1854 года», «Шанхай» во «Фрегате „Паллада“»).

В целом, монография оставляет благожелательное впечатление. Книга содержит множество ценных и вдумчивых наблюдений. Нельзя не отметить бережную теоретико-литературную проработку собранного материала. Отметим также, что стиль изложения не вызывает затруднений. Это говорит о серьезном, добросовестном, ответственном труде, который был проделан автором.

Своевременным кажется вопрос о формах присутствия обозначенных с детальной наглядностью приемов в системе критических высказываний Гончарова. Другими словами, можно ли утверждать, что статьи Гончарова, написанные в одно время с повестями и рассказами, несут печать художественности? Кроме того, возникает проблема авторской номинации жанровых моделей. Как все-таки определял Гончаров свои произведения: в связи с жанровым каноном времени или по субъективной трактовке?

Полемический контекст – неперенное условие восприятия хорошей книги. Она, безусловно, достойна похвалы. Труд Г. Г. Багаутдиновой – знак того, что «региональное» гончароведение¹⁰ продолжает развиваться.

⁹ Правомерным видится введение понятия «прозаическая строфа» (связь прозы и стиховых форм).

¹⁰ Уж если делить (шутки ради!) науку о Гончарове на «столичное» и «провинциальное» в духе сюжетов и проблематики его произведений о людях, подобно Александру Адуеву и Обломову, оставивших родные веси и края и отправившихся в столицу с мечтами о ее «покорении» (к мотиву утраченных иллюзий).

Список источников

1. Мельник В. И. Основные тенденции изучения творческого наследия И. А. Гончарова в 1990–2010-е годы // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 118–125.
2. Багаутдинова Г. Г. Поэтика нероманной прозы И. А. Гончарова. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского государственного университета, 2024. 296 с.
3. Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 480 с.
4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 томах. Т. 7. Кн. I. М.: Наука, 2012. 806 с.
5. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 томах. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. С. 7–300.
6. Липовецкий М. Н. «Память жанра» как теоретическая проблема (к истории вопроса) // Модификации художественных систем в историко-литературном процессе. Свердловск: Изд-во Уральского государственного университета, 1990. С. 5–18.

References

1. Mel'nik, V. I. (2016). *Osnovnye tendentsii izucheniya tvorcheskogo naslediya I. A. Goncharova v*

1990–2010-e gody [The Main Trends in the Study of I. A. Goncharov's Creative Heritage in the 1990s and 2010s]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. No. 1, pp. 118–125. (In Russian)

2. Bagautdinova, G. G. (2024). *Poetika neromannoi prozy I. A. Goncharova* [The Poetics of I. A. Goncharov's Unromantic Prose]. 296 p. Yoshkar-Ola, izd-vo Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

3. Vygotskii, L. S. (1998). *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. 480 p. Rostov-na-Donu, Feniks. (In Russian)

4. Gogol', N. V. (2012). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 tomakh* [Complete Works and Letters: In 23 Volumes]. Vol. 7. Book I. 806 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

5. Bakhtin, M. M. (2002). *Sobranie sochinenii: v 7 tomakh* [Collected Works: In 7 Volumes]. Vol. 6, pp. 7–300. Moscow, Russkie slovari; Yazyki slav'anskoi kul'tury. (In Russian)

6. Lipovetskii, M. N. (1990). "Pam'at' zhanra" kak teoreticheskaya problema (k istorii voprosa) ["Genre Memory" as a Theoretical Problem (on the history of the issue)]. *Modifikatsii khudozhestvennykh sistem v istoriko-literaturnom protsesse*, pp. 5–18. Sverdlovsk, izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

The article was submitted on 21.11.2025

Поступила в редакцию 21.11.2025

Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
и методики ее преподавания,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Doctor of Philology,
Professor in the Department of Russian
Literature and Methods of Teaching,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru